

УДК 94(47).066–071

DOI: 10.24412/2224-5391-2023-41-119-148

Н. И. Петров

САКРАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КОНЦА XVIII в.: ХРАМ ЕКАТЕРИНЫ II И ЗАМОК ПАВЛА I

Аннотация. Укорененность Михайловского замка в средневековом европейском образе церкви-крепости и сопряженность начала строительства этой императорской резиденции с преданием о явлении Архангела Михаила указывают на противопоставление Павлом I это нового архитектурного выражения идеи русского абсолютизма конструированию Екатериной II по древнеримским лекалам архитектурной сакральной доминанты столицы империи — Исаакиевского собора. Трактовка этого собора как храма Петра I вполне однозначно прослеживается в поэтических текстах той поры. Екатерина II, приступая к возведению Исаакиевского собора, реализует древнеримскую модель автосакрализации правителя, в рамках которой последний сооружает храм, посвященный уже сакрализованному его предшественнику. Особенный интерес представляет сравнение ритуалов закладок Исаакиевского собора в 1768 г. и Михайловского замка в 1797 г. в контексте сведений об иных подобных церемониях той поры, связанных как с церковными, так и с секулярными архитектурными сооружениями. Если Екатерина II при закладке Исаакиевского собора лишь «дублирует» действия архиерея, то Павел I при закладке Михайловского замка оттесняет присутствующего архиерея на второй план. Можно говорить о стремлении Павла I к смысловому замещению ансамбля Исаакиевского собора и конной статуи Петра I лукусом, сочетающим Михайловский замок с, так сказать, его, павловским «Медным всадником» (скульптурой работы Б. К. Растрелли). На сакральный статус возведенного Михайловского замка указывала надпись, размещенная на его южном фасаде (отредактированная цитата из Пс 92. 5 — «Дому Твоему подобает святыня Господня в долготу дней»). Павел I, воспринимая свой замок в качестве архитектурной антитезы храму его матери, пытается прорваться из эклектичного пространства изящной религиозно-политической игры Екатерины II в область серьезного неигрового тяжеловесного средневековья, но конечно же, все равно, по причине необратимости исторического процесса, остается в пределах игрового дискурса. Возможно, именно в этом обстоятельстве и следует искать по крайней мере один из истоков того ощущения трагичности, которое столь явственно сопряжено с павловским предромантизмом.

Н. И. Петров

Ключевые слова: сакрализация монарха, российский император Петр I, российская императрица Екатерина II, российский император Павел I, Санкт-Петербург, Исаакиевский собор, Михайловский замок

Для цитирования: Петров Н. И. Сакральные архитектурные доминанты Санкт-Петербурга конца XVIII в.: храм Екатерины II и замок Павла I // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 41. С. 119–148. DOI: 10.24412/2224-5391-2023-41-119-148

Сведения об авторе: Петров Николай Игоревич — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник научного отдела Санкт-Петербургской духовной академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8523-572X> (Россия, г. Санкт-Петербург). E-mail: npetrovspb@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.11.2022

Принята к публикации 20.01.2023

По справедливому заключению Л. В. Хайкиной, «именно Михайловский замок, в отличие от других императорских резиденций XVIII в., не метафорически, а буквально, в самом характере композиции, декора и топонимики воплотил в себе идею храма»¹. Укорененность Михайловского замка в средневековом европейском образе церкви-крепости², равно как и сопряженность начала строительства этой императорской резиденции с преданием о явлении на месте ее постройки Архангела Михаила, восходящим к аналогичным средневековым европейским нарративам, указывают на достаточно резкое противопоставление Павлом I это нового архитектурного выражения идеи русского абсолютизма конструированию Екатериной II по древнеримским лекалам области сакрального вообще и архитектурной сакральной доминанты столицы империи в частности. В качестве подобной доминанты Екатерина II строит в течение всего своего царствования Исаакиевский собор³. Стремление Павла I к некоему смысловому замещению ансамбля Исаакиевского собора и конной статуи Петра I локусом, сочетающим Михайловский замок с, так сказать, его, павловским «Медным всадником» (скульптурой работы Б. К. Растрелли 1744 г.), может быть усмотрено даже во вполне прозаичном решении императора использовать при возведении Михайловского замка инструменты и материалы, предназначенные для

¹ Хайкина Л. В. Без эпилога. Исследования по архитектуре Петербурга. СПб., 2008. С. 450.

² Петров Н. И. О сакральном характере наименования Михайловского замка в Санкт-Петербурге // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 39. С. 187–197.

³ Первая Исаакиевская церковь была устроена здесь еще в 1707 г. Екатерининский (третий) Исаакиевский храм был перестроен Огюстом де Монферраном в XIX столетии (Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 55 (№ 41)).

завершения Исаакиевского собора⁴. Показательно, что Исаакиевский собор — в отличие от Михайловского замка — так и не был освящен при жизни Павла I⁵.

Адресованная Екатерине II (и обусловленная феноменом сакрализации монарха) избыточная комплиментарность текстов, которые сопровождали закладку или освящение церквей в ее присутствии, может показаться сознательным профанированием идеи христианского храма. Архимандрит (впоследствии — митрополит) Платон (Левшин) в своем слове, произнесенном 8 августа 1768 г. при закладке Исаакиевского собора, обращаясь к императрице, как бы «подчиняет» последней образ закладываемого храма: «Сей храм будет вечным монументом благочестия Твоего, и, следовательно, Церковь обязана Тебе вечною благодарностию. Благоволи вообразить великая, великая Государыня, что в позднейшие века, когда в храме сем будут священные собрания при излиянии сердец своих пред Богом, Ты первая, яко основательница, в соборе их духом почитаема будеши и от всех будущих родов имаши благословиться»⁶.

Восприятие процитированного и подобных ему текстов как образцов профанирования идеи храма обусловлено, надо полагать, собственно христианской точкой зрения. С другой стороны, мы можем усмотреть, например, в имплицитной посвященности Исаакиевского собора Петру I структурное воспроизведение тех моделей конструирования сакрального, которые нашли свое воплощение в ранней Римской империи.

Трактовка екатерининского Исаакиевского собора как храма Петра I вполне однозначно прослеживается в поэтических текстах той поры, в частности — в одной из «надписей» А. П. Сумарокова: «В Исакиев день дан Великий Россам Петр, / В сей щастливый был день Бог царству Росску щедр, / Сей здати пышный храм была сия причина, / Воздвижен создала ево Екатерина»⁸. Еще одна «надпись» А. П. Сумарокова, также посвященная Исаакиевскому собору, была поднесена автором Екатерине II непосредственно после завершения церемонии его закладки 8 августа 1768 г.: «Исакия день к славе учрежден; / В день памяти его Великий Петр рожден, / Сие брег невский восклицает: / А с стен Петровых гром, / Весь воздух проникает; / Премудрость Божеству сооружает

⁴ Имянные Высочайшие повеления с 1761 по 1799 год // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 466. Оп. 1. Д. 98. Л. 180, 199.

⁵ Освящение Михайловского замка состоялось 8 ноября 1800 г., Исаакиевского собора — 30 мая 1802 г.

⁶ Платон (Левшин), митр. Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. I, кн. 2. (Бесплатное приложение к журналу «Русский паломник» за 1913 г.). С. 264.

⁷ Память св. прп. Исаакия Далматского, которому был посвящен данный храм, празднуется в день рождения Петра I (30 мая).

⁸ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. 2-е изд. М., 1787. Ч. I. С. 271 (№ XVI в разделе «Надписи»).

дом, / И возсияет он подобьем райска крина, / Великолепие, в честь дню сему, / Дает ему, / Великая Екатерина»⁹. Анонимный автор оды на открытие «Медного всадника» 7 августа 1782 г., по всей видимости, подразумевает строящийся Исаакиевский собор, когда говорит о том, что «Екатерина / В женах великая едина / Великому (т. е. Петру I. — *Н. П.*) воздвигла храм...»¹⁰.

С имплицитным посвящением в 1768 г. нового Исаакиевского храма Петру I можно также соотнести надпись на медали, изготовленной к его закладке. Здесь на аверсе размещен именованный портрет Екатерины II, на реверсе же изображение Исаакиевского собора сопровождается надписью «Воздадите Божие Богови а Кесарева Кесареви. Матв. глав. 22. стих 21. 1768 г.»¹¹. В результате перестановки слов в цитируемом евангельском тексте (в Мф 22. 21 — «воздадите убо кесарева кесареви: и Божию Богови», также — в Мк 12. 17 и Лк 20. 25) происходит смещение акцента известного новозаветного рассказа о динарии кесаря. Спаситель говорит в первую очередь о монете и не связывает ее (и власть римского императора) с областью сакрального — надпись же на медали переадресовывает слова Христа закладываемому храму и сопоставляет кесарево некой параллелью Божиему. Казалось бы в столь прямолинейном переосмыслении данного евангельского эпизода «кесарем» (принимая во внимание церковно-политический контекст рассматриваемого времени) следует считать Екатерину II. Однако подразумевание здесь под «кесарем» *в первую очередь* Петра I отчетливо раскрывается в позднейшем (1786 г.) стихотворении Василия Петровича Петрова, адресованном императрице и сопровождавшем завершённый им перевод «Энеиды» Вергилия. Поэт конечно же сопрягает строящийся храм с прижизненным культом Екатерины II, однако далее воспроизводит искаженную евангельскую цитату на медали, именуя «кесаря» Петром! — и лишь затем аналогичным образом говорит о царствующей монархине: «И се уже и храм, великий храм основан, / И мрамор, чем ему рост к небу, уготован. / Соседственно *Петру* (имеется в виду «Медный всадник». — *Н. П.*) мы жаждем чудо зреть, / Где жертвам за Тебя, Монархиня, гореть. / Лишь внидем мы во храм, с куреньми фимиама, / Всех прежде за Тебя создательницу храма, / Душ в жаре, пролием молитвенный мы глас, / И милосердное услышит Небо нас: / Услышит, и Твои бесценны дни пробавит, / Услышит, и Тобой впредь вяще нас прославит; / Для веры Твоя ущедрит нас внуша: / Пылает, как свеща, пред Ним Твоя душа. / Тщась *Богу Божию, Петру* воздать *Петрово*, / Снискуешь кротостью сияние Ты ново. / Усердна в Праотце возмездница заслуг, / По смерти чтить Его

⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1768. 26 августа (№ 69), прибавление. Л. 4.

¹⁰ Ода на торжественное открытие Монумента Петра Великого Августа в 7 день 1782 года // Утра. Еженедельное издание, или Собрание разного рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе. СПб., 1782. Август (лист 4). С. 194.

¹¹ Собрание русских медалей. СПб., 1841. Вып. III. С. 45 (№ 161), табл. XXXII.

наш молча движешь дух. / Но с камня, кажется, Он сам гласит нам ныне: / *Екатерино* воздать *Екатерине*»¹².

Стремление к соположению в области сакрального и образа Петра I, и начавшегося царствования Екатерины II проявилось и в задуманном уже при подготовке закладки Исаакиевского собора посвящении одного из его приделов свв. мчч. Киру и Иоанну. В церемонии закладки была использована «доска вызолоченая», надпись на которой содержала основные сведения о строящемся храме и, в частности, сообщала следующее: «Положено храма сего основание соборныя святого Исакия Долматского церкви с приделы От северной страны: во имя святого Николая Архиепископа Мирликийских чудотворца; от южной: святых безсребреник Кира и Иоанна»¹³. Как известно, на день дворцового переворота, в результате которого на российский престол взошла Екатерина II, пришелся церковный праздник перенесения мощей свв. Кира и Иоанна (28 июня), что привело к развитию их российского культа¹⁴. Любопытно, что в названии стихотворения Василия Григорьевича Рубана, посвященного «великолепному зданию соборной Исакиевской церкви», упомянут только один придел строящегося храма, посвященный свв. Киру и Иоанну. Поэт уверенно соединяет в этом тексте «святых патронов» Петра I и Екатерины II, которым последняя посвящает собор: «Монархов сих дела обеих равно громки: / Дивится будут им все будущи потомки. / В воспоминание грядущим временам, / На вечну память сим великим именам, / Екатерина здесь сей храм сооружает, / Которой их святым Патронам посвящает, / Чтоб вечно празднован в России день тот был, / Когда Творец Петру родиться в свет судил; / И тот, чтоб вечно день Россия вспоминала, / Екатерина в кой на троне воссияла...»¹⁵.

Представляется уместным предположить, что Екатерина II, приступая к возведению Исаакиевского собора, реализует древнеримскую модель автосакрализации правителя, в рамках которой последний сооружает храм, посвященный уже сакрализованному его предшественнику. (Здесь следует отметить не только близкое знакомство отечественной элиты той поры с религиозной жизнью императорского Рима, но и нарочитое уподобление царствующей Екатерины II Октавиану Августу¹⁶.) Именно эта модель была реализована в результате строи-

¹² Петров В. П. Сочинения. СПб., 1811. Ч. III. С. 274–275.

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1768. 26 августа (№ 69), прибавление. Л. 1 об. – 2.

¹⁴ Жиркова А. А. Усадьба Кирьяново в жизни княгини Е. Р. Дашковой. СПб., 2018. С. 26–27.

¹⁵ Рубан В. Г. Стихи на великолепное здание соборной Исакиевской церкви с приделом храма святых Кира и Иоанна, сооружаемое в Санктпетербурге. Б. м., 1770.

¹⁶ Проскура В. Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 42–48; см. также с. 73, 112, 116, 165, 262. Указанное уподобление практиковалось и самой Екатериной II. Так, в письме от 13 июля 1770 г., адресованном Иоганне Доротее Бьельке (Bielke), российская императрица писала: «Август говорил, что он нашел Рим построенным из кирпича, а оставит

тельства храма Гая Юлия Цезаря (aedes Divi Iuli) на римском форуме в 42–29 гг. до Р. Х.: «Храм божественного приемного отца Октавиана был одним из первых строительных проектов, предпринятых Августом, и одним из первых завершенных им сооружений»¹⁷. «Какими бы намерениями ни руководствовались триумвиры в 42 г., храм Цезаря в конце концов стал местом семейного культа, который был в то же время полностью интегрирован в государственную религию», подчеркивает П. Уайт, отмечая далее: «Что касается личного интереса Августа к культу Цезаря, то я бы предположил, что он рассматривал его как модель, которую он имел возможность формировать, подготавливая свое собственное обожествление (apotheosis)»¹⁸. С другой стороны, екатерининскому Исаакиевскому собору, достраивавшемуся уже при Павле I, можно уподобить и храм самого Октавиана (aedes Divi Augusti), который начал строится в Риме (в долине между Палатином и Капитолием) при императоре Тиберии, стремившемся актуализировать посмертный культ своего отчима, однако был завершен лишь при Калигуле в 37 г. по Р. Х. Столь долгое строительство храма говорит о стремлении возвести «чрезвычайно великолепное здание, не считаясь с расходами...»¹⁹.

Показательна принадлежавшая М. В. Ломоносову идея установки статуи Петра I в Петропавловском соборе, от которой отказались в 1765–1766 гг.²⁰ Если бы этот проект был в ту пору осуществлен, то в наличии статуи первого российского императора в Петропавловском соборе при строительстве в последующие десятилетия екатерининского Исаакиевского собора как «величественного памятника... Петру Первому» можно было бы увидеть *некоторое* подобие размещения изображения Октавиана Августа в храме Марса Мстителя (aedes Martis Ultoris) в ходе строительства храма самого Октавиана: «Пока строилось святилище в Риме, они водрузили золотое изображение Августа на ложе в храме Марса и оказывали этому изображению все те почести, которые они собирались впоследствии воздавать его статуе»²¹. В конце концов статуя

его построенным из мрамора; я же скажу, что я нашла Петербург почти деревянным, а оставляю в нем здания, украшенные мрамором» (Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1874. Т. XIII. С. 23).

¹⁷ Phillips D. A. The Temple of Divus Iulus and the Restoration of Legislative Assemblies under Augustus // Phoenix. Journal of the Classical Association of Canada. 2011. Vol. LXV, No. 3–4, Fall–Winter. P. 372, 376.

¹⁸ White P. Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada. 1988. Vol. XLII: 4, Winter. P. 337, 355, 354.

¹⁹ Gradel I. Emperor Worship and Roman Religion. Oxford, 2002. P. 336–337 («a particularly splendid building, with no expense spared...»). См. также: Fishwick D. On the Temple of Divus Augustus // Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada. 1992. Vol. XLVI, No. 3, Autumn. P. 232.

²⁰ Косолапов Б. А. О проектах монумента Петру I в Петропавловском соборе и работе над мозаичной картиной «Полтавская баталия» // Советское искусствознание. 1983 (1984). Вып. 1 (18). С. 274. Дело о препоручении в ведомство Канцелярии от строений, мозаического дела и команды // РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 255. Л. 38 (9 февраля 1766 г.).

²¹ Кассий Дион Коккейан. Римская история. СПб., 2014. Кн. LI–LXIII. С. 332–333 (LVI.46.4).

Петра I («Медный всадник» Э. М. Фальконе) появляется в 1782 г. неподалеку от строящегося Исаакиевского собора, не вторгаясь в храмовое пространство. (Место для установки «Медного всадника» было определено Екатериной II окончательно 5 мая 1768 г.²², незадолго до закладки Исаакиевского собора.)

Любопытным эпизодом, который также связан не с Исаакиевским, а с Петропавловским собором и в котором меморативная активность Екатерины II в отношении посмертного культа Петра I, кажется, вполне очевидным образом «откликается» на известие, касающееся упомянутого римского храма Марса Мстителя, является возложение ею 29 августа 1772 г. трофейного турецкого знамени к надгробию первого российского императора: «По приближении Ее Величества к притвору церковному, представлены были... трофеи побед, одержанных над Турецким флотом при Чесме и при Метелине, состоящие в военных флагах и вымпелах Турецких, опущенные с своих флагштоков и простертые к стопам Ее Величества. По вступлении Ее Величества в церковь... отправляли панихиду о всех, за веру и отечество на бранях живот свой положивших, потом за упокой... отправлялась Божественная литургия; по окончании оной, первый флаг Галерного Главного Командира, взятый при Метелине в нынешнем году, поднесен был Ее Императорскому Величеству... и Ее Величество, приняв оный, подойти соизволила ко гробу Государя Императора Петра Великого и повергнуть к подножной части гробницы сего великого Своего предка, в Бозе почивающего Монарха, в честь, яко первому основателю Российского флота»²³. Данное событие не обошлось без краткого поэтического комментария В. Г. Рубана, который был обращен к Петру I и завершился следующими словами: «Тебя виновником Своих щитая благ, / У неприятелей отъятый Ею (Екатериной II. — Н. П.) флаг / Перед стопы Твои усердно полагает / И жертвой сей Твое столетие венчает»²⁴.

И. М. Снегирев включил в свой рассказ об этом событии любопытную деталь (не указав, впрочем, источник сведений о ней): «Императрица, приняв... взятый при Мителене первый флаг Турецкого Адмирала, подошла к гробнице основателя Русского флота и преклонив колена, повергла флаг к ее подножию в знак признательности, с следующими словами: *Твоя от Твоих Тебе приношу*. После этого Платон (будущий митрополит Платон (Левшин). — Н. П.) с кафедры произносит слово в вечную память Петра I, которую хотела Императрица соединить с настоящим торжеством новой победы...»²⁵. Если эти слова действительно

²² Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XVIII (1767–1769). С. 539 (№ 13115).

²³ Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. СПб., 1858. С. 366–368. См. также: Санкт-Петербургские ведомости. 1772. 4 сентября (№ 71). С. 1–2.

²⁴ Рубан В. Г. Надпись На положение Екатериною Великою пред надгробие Петра I. флага, взятого у Турок на Архипелаге. Августа 29 дня, 1772 года. Б. м., 1772.

²⁵ Снегирев И. М. Жизнь Московского Митрополита Платона. 4-е изд. М., 1890. Ч. 1. С. 25.

были произнесены²⁶, очевидной представляется попытка сопряжения принесения трофейного знамени к могиле Петра I и христианского богослужения; «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся» — хорошо известный литургический возглас священника (Anamnesis Евхаристической молитвы).

Однако в данном жесте Екатерины II просматривается и очередное уподобление российской императрицы Октавиану Августу, который в храме Марса Мстителя разместил римские штандарты, возвращенные ему в 20 г. до Р. Х. парфянами, неоднократно овладевавшими ими в 50–30-х гг. до Р. Х. Сам Октавиан так сообщает об этом: «Многочисленные военные знамена, утраченные другими вождями, победив врагов, я возвратил из Испании и Галлии и от далматинцев. Парфян трех римс[к]их войск доспехи и знамена отдать мне и, умоляя, просить о дружбе римского народа я принудил. А эти знамена в святилище, которое в храме Марса Мстителя, я, возвратив, поместил»²⁷. Следует попутно отметить, что храм Марса Мстителя, освященный Октавианом лишь во 2 г. до Р. Х.²⁸, был сопряжен с посмертным культом Цезаря: здесь находилось скульптурное изображение «божественного Юлия», а также — его кинжал²⁹ (с Марсом связывалось происхождение рода Цезаря³⁰). Таким образом, храм Марса Мстителя также можно было бы сопоставить (вслед за упомянутым выше храмом Цезаря) с екатерининским Исаакиевским собором. Да и хорошо известное уподобление Петра I Марсу (в сочетании с уже отмеченным уподоблением Екатерины II Октавиану) не может не склонять к подобному сопоставлению.

В сравниваемых событиях может быть усмотрено некоторое их несоответствие друг другу: Екатерина II возлагает к могиле Петра I трофейное турецкое знамя, в то время как Октавиан приносит в храм *римские штандарты, возвращенные самими парфянами* — хотя бы и вынужденно. Однако в древнеримских

²⁶ И. М. Снегирев приводит также указание на то, что слова «Твоя от Твоих...» прозвучали в упомянутом выступлении архиепископа Платона (Левшина), содержавшем призыв к Петру I восстать из гроба. Сведения о дате данной проповеди противоречивы: Вольтер пишет, надо полагать, именно о ней в письме Екатерине II от 15 мая 1771 г.; сам И. М. Снегирев в другой части своего труда относит ее к 1770 г. (*Снегирев И. М. Жизнь... С. 111–113* (прил. В в разделе ч. I «Приложения объяснительные и дополнительные»); 191, прим. * (прил. 3 в разделе ч. II «Приложения и дополнительные статьи»); см. также: *Платон (Левшин), митр.* Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. I, кн. 2. С. 303 (прим. *)). Судя по всему, эта проповедь действительно была произнесена в Петропавловском соборе в 1770 г. (Церемониальный камер-фурьерский журнал 1770 года. СПб., 1856. С. 211 (15 сентября)). Впоследствии же известие о ней присоединилось к нарративу, описывавшему возложение Екатериной II турецкого знамени 29 августа 1772 г.

²⁷ Деяния божественного Августа // *Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 197* (XXIX).

²⁸ *Rich J. W. Augustus's Parthian honours, the temple of Mars Ultor and the arch in the Forum Romanum // Papers of the British School at Rome. 1998. Vol. LXVI. P. 79–97, 125–127.*

²⁹ *Fishwick D. Iconography and Ideology: The Statue Group in the Temple of Mars Ultor // American Journal of Ancient History. 2003. New Series, Vol. 2, No. 1. P. 78, 89–93.*

³⁰ *Ross Taylor L. The Divinity of the Roman Emperor. Middletown, 1931. P. 58–59, 61, 64.*

поэтических текстах это событие характеризовалось и как *отвоевание* римлянами их штандартов. Вергилий в «Энеиде», перечисляя военные инициативы Рима («...ныне / Рим державный... начиная Марсовы брани...»), упоминает и данный эпизод: «Шлет ли войска навстречу заре, чтоб значки легионов / Римских отнять у парфян»³¹. Схожим образом Овидий в «Фастах» отмечает эту историю как одну из военных побед Октавиана: «Рима знамена навек он отобрал у парфян!»³².

Размещение трофейных знамен в пространстве храма — впрочем, судя по всему, гораздо реже, чем в иных, профанных местах — практиковалось и при Петре I³³. Однако наличие тех или иных прецедентов рассматриваемого жеста Екатерины II не делает менее значимой особую диалогичность последнего по отношению к образу Петра I — русские победы той поры имплицитно противопоставлялись поражению первого российского императора в русско-турецкой войне 1710–1713 гг.³⁴ (и, таким образом, оказывались соотносимыми с военными успехами Октавиана, способствовавшими возвращению в Рим штандартов, захваченных парфянами ранее).

При условии некоторого ослабления ригористичности христианского взгляда на историю царствования Екатерины II изложенное позволяет говорить не столько о сакрализации образа этой монархини и его социально-политического контекста, сколько, скорее, об их нарочитой имперской романизации.

* * *

Как уже было отмечено выше, Михайловский замок может быть интерпретирован в качестве некой павловской антитезы екатерининскому Исаакиевскому собору. При этом ритуалы закладок данных строений обнаруживают некоторое сходство.

В XVIII в. в России были известны два вида чинопоследования основания храма: 1) древнерусский, формирующийся в XVI–XVII вв. и имеющий греческие

³¹ Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. С. 281 (Aen., VII-606-607). В русском переводе «Энеиды» Вергилия, выполненном В. П. Петровым (см. выше), возвращение римских штандартов «победоносными чадами» Рима упоминается так: «От Парфян вспять орлы восхитити свои» (Еней. Героическая поэма Публия Вергилия Марона. Переведена с латинского Г.ном Петровым. СПб., 1784. Песнь VII. С. 35 (здесь — строка 774)).

³² Овидий. Элегии и малые поэмы. М., 1973. С. 344 (Fasti, V-580).

³³ Данченко В. Г. Шведские знамена, штандарты и флаги. Каталог коллекции. СПб., 2021. С. 46. Здесь можно упомянуть в качестве примера и сведения о поступлении в Троице-Петровский собор при Петре I трофейных шведских колокола и паникадила, вывезенных из Або в 1713 г. (Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. 7. С. 100–101). «Трофеи, украшающие стены» Петропавловского собора, отмечал в начале XIX в. П. П. Свиньин: «Трофеи сии состоят из великого множества знамен и других воинских доспехов, взятых у неприятелей Российским воинством, большею частию в царствование Екатерины II» (Свиньин П. П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб., 1818. С. 22, 24).

³⁴ Ср.: Проскурина В. Ю. Мифы империи... С. 116, 135.

истоки; 2) представленный в требнике свт. Петра (Могилы) 1646 г. и заключающий в себе заметные следы католического влияния: «Главное обрядовое действие при закладке храма по греческим и славяно-русским требникам заключалось в водружении креста на месте алтаря сооружаемого храма. В Могиллинском чине кроме этого обряда мы видим обряд благословения, освящения и положения *первого камня*. Камни (но не *один*, а три) употреблялись при закладке церкви и на востоке и в Московской Руси, но там над ними не читалось никаких молитв, они *не освящались*, а употреблялись для того, чтобы между ними водружить крест. Откуда же, в таком случае, Могиллинский требник заимствовал обряд положения первого камня и обряд его освящения? Остается предположить, что в данном случае Могиллинский чин не остался без влияния со стороны латинского ритуала, где, действительно, при закладке церкви первенствующее значение отводится обряду освящения и положения первого камня...»³⁵. Насколько позволяет судить описание закладки Исаакиевского собора, в ее сценарии нашел отражение «Чин бываемый на Основании Церкви, и почтении Креста» Требника свт. Петра (Могилы), соединенный с секулярным ритуалом.

Описание закладки Исаакиевского храма³⁶, в которой принимали непосредственное участие и Екатерина II, и Павел, может быть изложено здесь следующим образом. Столичный архиепископ Гавриил (Петров) «кадил основание церкви; а другой кропил рвы и материалы освященною водою». Затем архиепископом Гавриилом была прочитана «молитва на основание церкви», после чего он «пошел... на место фундамента», где поставил «ковчег со святыми мощами» в «зделанной из Российского мрамора камень, для которых нарочно было высечено место и накрыто доской мраморной же...». Далее архиепископ Гавриил «вогрузил крест на том месте, где назначено быть месту престола, при отправлении надлежащих по уставу молитв положил мраморной кирпич; равно следуя ему клали и протчие пресвященные...». Граф Яков Александрович Брюс поместил в особый мраморный «постамент» (иначе называемый здесь «камень заложения», «внутри ж оного высечено место») «нарочно для того строения зделанную медаль» (см. выше), «монеты золотые, серебряные и медные, какие ныне здесь во употреблении», «летопись» (то есть «доску вызолоченую» с надписью, сообщавшей о закладке данного храма, см. выше)³⁷, некую «свинцовую доску». Затем Екатерина II «изволила взять кирпич известию подмазать и положить в означенной постамент», и Павел аналогичный

³⁵ Прилуцкий В. Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII в. Киев, 1912. С. 9 (см. также с. 1–13); Требник митрополита Петра Могили. Киев, 1646; Киев, 1996. С. 52–69 (часть 2).

³⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1768. 26 августа (№ 69), прибавление. Л. 1–4.

³⁷ «Чин бываемый на Основании Церкви...» такую «летопись» называет «писанием» и предписывает ее помещение в закладной камень вместе с мощами (разумеется, без какого-либо участия монарха) (Требник митрополита Петра Могили... С. 53, 62 (часть 2)).

свой «кирпич равным же образом положить соизволил...»³⁸. При этом, очевидно, была использована «серебряная вызолоченная ж кирка и лопатка, с Их же высочайшими именами...». Вслед за императрицей и наследником «духовенство и знатные особы клали известь нарочно приуготовленную для того, особливую лопаткою». После этого «постамент был накрыт мраморною кровлею» и Екатерина II «чрез приуготовленную машину своею рукою вниз тот камень и опустить соизволила... и оной постамент опустился в нарочно зделанное в большом мраморном камне место, который и накрыт большим же мраморным камнем... Потом чтена молитва на заложение храма Синодальным членом; а Святотроицкой Архимандрит... говорил проповедь...» (это слово архимандрита Платона (Левшина) цитировалось в начале настоящей статьи).

Нетрудно заметить, что главные действия императрицы здесь «технически» повторяют соответствующие действия архиерея: «постамент», лично опускаемый Екатериной II в «нарочно зделанное в большом мраморном камне место», выступает в качестве некоего «двойника» «ковчега со святыми мощами», помещаемого архиепископом Гавриилом в тот же самый основной камень — «зделанной из Российского мрамора камень», в котором для мощей также «нарочно было высечено место». Екатерина II, таким образом, закладывает храм *вместе* с архиереем (как соучастница священнодействия), не «вторгаясь», впрочем, в действия архиерея на месте престола храма, где он «вогрузил крест» и «положил мраморной кирпич». Показательно, что десятилетием позже (30 августа 1778 г.) Екатерина II ведет себя гораздо более дистанцированно при закладке менее значимого для нее храма — Троицкого собора Александро-Невского монастыря: императрица и наследник наблюдают «службу к освящению сего места» со стороны («сию духовную процессию... изволили смотреть из нарочно поставленной ставки...») и лишь после завершения священнодействия («по совершении сей службы») Екатерине II «поднесена была... на серебряных блюдах земля, которую Ее Величество изволила сыпать нарочно на то приуготовленную золоченою лопаткою, и положила кирпич, потом и Их Высочества (Павел Петрович и Мария Феодоровна. — *Н. П.*) тоже учинить изволили»³⁹. «Санкт-Петербургские ведомости» лаконично сообщили лишь, что Екатерина II «изволила, с Их Императорскими Высочествами, присутствовать при заложении» данного храма⁴⁰.

Участовать в закладке храма «наравне» с духовной особой в ту пору мог не обязательно монарх, но и его «заместитель». 30 августа 1781 г. в недавно ос-

³⁸ Упомянутые здесь кирпичи развернуто характеризуются в данном описании выше: «Два мрамора величиной против кирпича, а на них вырезаны имена Ее Императорского Величества, и Его Императорского Высочества...». Скорее всего, как и в иных подобных случаях (см. далее), речь тут идет о вензеле («вензловом имени»), хотя это специально и не оговаривается.

³⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1778 года. СПб., 1882. С. 545–546.

⁴⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1778. 4 сентября (№ 71). С. 614.

нованном Херсоне Иван Абрамович Ганнибал («над строением Херсона и Черноморского Флота Главный Командир») «по отправлении молебствия, и после проповеди и водосвятия... приняв поднесенную от Архитектора (Ивана Матвеевича Ситникова. — *Н. П.*) с известью лопатку, положил в основание зиждущегося Храма *первый* (выделено мною. — *Н. П.*) камень...» — в последний была помещена «дска» с надписью, сообщавшей об этой закладке. Впрочем, в данном случае чин основания храма совершал не архиерей, а «Херсонский Протопоп», причем возведение этой церкви, посвященной св. вмц. Екатерине, было начато от имени императрицы: «Благоволи, — говорил И. М. Ситников И. А. Ганнибалу, — именем Высочайшей Строительницы сего Храма, положить первый камень в его основание...». Следует отметить нарочитое «присутствие» вензеля Екатерины II⁴¹ на месте данной закладки: «На верьху стояла выкрашенная, на подобие двуцветного мрамора, пирамида, на которой, со стороны входа представлялось в сиянии Вензловое Ее Императорского Величества Имя...»⁴².

9 мая 1787 г. аналогичным образом был заложен Преображенский собор Екатеринослава, на этот раз — при участии самой императрицы и императора Священной Римской империи Иосифа II: «Ее Императорское Величество... пеша шествовать изволила, в предследовании Преосвященного (Екатеринославский архиепископ Амвросий (Серебренников). — *Н. П.*) и прочего духовенства, к назначенному месту для заложения церкви, а прибыв ко оному, по совершении водоосвящения с молебным пением, в присутствии Ее Императорского Величества и... Графа Фалькенштейна (Иосиф II. — *Н. П.*), заложена вновь каменная церковь... и основание оной положить изволила Ее Императорское Величество Высочайшею Особою, принадлежащую же к тому плиту Ее Императорскому Величеству подал Его Светлость Князь Григорий Александрович Потемкин, при чем соучаствовали и Граф Фалькенштейн, положи в место основания кирпич и известь»⁴³.

Коль скоро «графом Фалькенштейном» был положен только лишь кирпич, в «плите» Екатерины II (как и в «первом камне» И. А. Ганнибала в Херсоне) следует, надо полагать, видеть основной закладной камень храма. Конечно, можно было бы предположить, что такой камень был все-таки положен архиереем и данное обстоятельство не отразилось в процитированном тексте в силу лаконичности последнего. Однако и в иных описаниях рассматриваемой церемонии ничего не сказано об архиерейском камне, и наоборот, всячески подчеркивает-

⁴¹ О репрезентировании вензелем Екатерины II ее именованного портрета см.: *Петров Н. И.* Монеты царствования Павла I и евангельский рассказ о динарии кесаря // *Христианское чтение.* 2022. № 1. С. 305–306.

⁴² Санкт-Петербургские ведомости. 1781. 2 ноября (№ 88). С. 678–680.

⁴³ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 399–400.

ся первенство «плиты» монархини⁴⁴. Оно даже было особо отмечено в надписи на позолоченной медной «доске», также помещенной в основание храма: «Екатерина II... во основание Храма... первый положила камень 1787 года». Таким образом, оказывается, что спустя два десятилетия после начала строительства Исаакиевского собора Екатерина II, полагая закладной камень в основание храма, судя по всему, полностью вытесняет присутствующего и участвующего в данной церемонии архиерея и совершает это действие единолично. Несколькими же годами ранее аналогичным образом ведет себя при закладке храма «заместитель» императрицы. Впрочем, необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, речь здесь идет о закладках храмов, совершавшихся на южной новоосваиваемой периферии империи, вдали от ее столицы, и это обстоятельство, конечно же, могло способствовать более знаменательному участию монархини в рассматриваемой церемонии. Кроме того, не следует забывать и о специфическом характере закладки екатеринославского собора, означавшей собой также и перенос на новое место (то есть новое основание) самого города Екатеринослава⁴⁵, которому прочили в будущем совершенно особенный статус⁴⁶.

Через несколько лет после начала строительства Исаакиевского собора закладывается дворец в Московском Кремле, который был спроектирован Василием Ивановичем Баженовым и должен был стать выражением политических амбиций Екатерины II⁴⁷. Впрочем, как известно, уже в 1775 г. начатое строительство было прекращено. Однако, так или иначе, указанное значение образа данного дворца может быть сопоставлено с Михайловским замком, который, в свою очередь, отразил в себе религиозно-политические воззрения Павла I.

⁴⁴ «Монархиня никому другому заложить оный (храм. — Н. П.) не вверила; но сама на себя труд сей воспрять соизволила» — [Гавриил (Розанов), архиеп.] Историческая записка о заложении в городе Екатеринославе соборного кафедрального Преображенского, ныне там существующего храма; и о начале самого города Екатеринослава. Одесса, 1846. С. 7–9.

⁴⁵ Об изменении первоначального места расположения этого города см., напр.: *Корольков К.* Столетний юбилей города Екатеринослава (9 мая 1887 года) // *Екатеринославские епархиальные ведомости.* 1887. № 8. Отд. неоф. С. 207–214.

⁴⁶ Екатерина II писала Фридриху Мельхиору Гриму о закладке «Екатеринограда» («Yékaterinograd»): «Мы заложили первый камень в строение этого города...» (Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1878. Т. XXIII. С. 410 (№ 166)). Как подчеркивал впоследствии Тверской архиепископ Гавриил (Розанов), Екатерина II «отправилась, с Римским Императором... чтобы торжественно провозгласить и основать бытие города, в ее славу созидаемого, чрез заложение Соборного Кафедрального Преображенского храма собственными руками Императрицы». В ту пору «каждый не только представлял, но и уверен был, что Екатеринослав и силы, и богатства, и народного просвещения всего Южного края России сделавшись средоточием, будет *второй Рим, новые Афины*» (Гавриил (Розанов), архиеп. Продолжение очерка о Новороссийском крае. Период с 1787 по 1837 год // *Записки Одесского общества истории и древностей.* Одесса, 1863. Т. V. С. 431–432).

⁴⁷ Согласно надписи, размещенной на закладной «вызолоченной доске» (см. ниже), этот дворец основывался «Повелением... / Екатерины Второй... / к Славе великой Империи / к чести своего века / к безсмертной Памяти будущих времен...».

Сказанное заставляет уделить некоторое внимание двум церемониям, связанным с началом строительства этого дворца и состоявшимся в Московском Кремле в 1772–1773 гг. Существенной особенностью обеих церемоний являлось отсутствие и императрицы, и наследника.

9 августа 1772 г. было торжественно начато рытье фундаментных рвов («земля освящена и рвы на основание копать стали») при участии нескольких епископов (во главе с будущим Киевским митрополитом Самуилом (Миславским)), которые после совершения водоосвящения кропили святой водой место начала земляных работ. Затем В. И. Баженов, «испросив у первоначальствующего Архиеерея благословение, окропив святою водою заступ... призвав Создателя вселенной на помощь, перьвый по своему званию учинил торжественное начало рву; что самое в то ж время и определенные по всем прочим углам и сторонам его помощники и приготовленные к тому каменщики сделали с троекратным восклицанием ура!» После этого «все зрители желали вдрут сделать собственными руками наиторжественнейшее начало зиждущемуся строению; чему и подали вожделеннейший для всех пример знатнейшие особы выниманием земли под фундамент». Особо следует подчеркнуть наличие нарочитой отсылки к античной религии в сопровождавших церемонию надписях-двустихиях: «Дианин красотой превзойдет храм Ефеский⁴⁸, / Примером в зданиях пребудет двор Кремлевский» (ср. также — «Приятней Невских струй Московски потекут, / Минервы Росския жилище будет тут»)⁴⁹.

Собственно же закладка данного дворца состоялась 1 июня 1773 г. Насколько можно судить по опубликованному изложению ее описания⁵⁰, секулярный ритуал (охарактеризованный в описании как «прочие обряды светские при порядочных знаменитым Императорским Домам основаниях наблюдаемые») был «встроен» в богослужбное «обрамление», детали которого не нашли отражения в указанной публикации: в ней говорится и о том, что эти «прочие обряды светские» были «во всей полноте соблюдены, вслед за духовной церемонией» (торжество началось литургией в кремлевском Архангельском соборе, затем состоялось водоосвящение), и о том, что за секулярным ритуалом последовала «церковная церемония», включавшая в себя слово, произнесенное архимандритом (в дальнейшем — епископом) Феофилактом (Горским).

⁴⁸ Деяния святых апостолов повествуют о ремесленниках, изготавливавших изделия, связанные с культом и храмом Артемиды в Эфесе («великия богини Артемиды храм»), и пытавшихся противостоять миссионерской деятельности апостола Павла в этом городе (Деян 19).

⁴⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1772. 14 сентября (№ 74). С. 1–4. См. также: Янчук Н. А. Знаменитый зодчий Василий Иванович Баженов и его отношение к масонству // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия, ч. LXVI, декабрь. С. 189–191; Василий Иванович Баженов. Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы. М., 2001. С. 95–96, 250 (№ 103).

⁵⁰ Янчук Н. А. Знаменитый зодчий... С. 192–202; см. также: Василий Иванович Баженов... С. 100–104, 251–252 (№ 112–113).

После водоосвящения прозвучала речь В. И. Баженова⁵¹, в которой зодчий, хоть и уподобил поначалу закладываемый дворец античному храму Артемиды Эфесской («в сей день полагается первый камень нового Ефесского храма посвящаемого Божией в России Наместнице...»), завершил свое выступление обращением к Архангелу Михаилу. Последнее, обусловленное расположением закладываемого дворца в непосредственной близости от кремлевского Архангельского собора, столь явственно перекликается с преданием о явлении Архангела Михаила в Санкт-Петербурге после воцарения Павла I, повлекшем за собой строительство Михайловского замка, что эту заключительную часть речи В. И. Баженова уместно привести здесь полностью: «Архистратиг обладателя вселенной, пред твоими очами пред самыми Твоими очами, сей первый камень во основании полагается: *не сам ли ты наименовал сие место срединою начинаемого здания* (здесь и далее выделено мною. — Н. П.)? Буди хранитель сего дома, сего замка, и сего града! буди хранитель и всей России! и повергай врагов нашего отечества, силою нашего оружия, как ты поверг надменные гордость духи! Видя храм твой, *кажется мне что я тебя пред собою вижу*, воздевающая руки ко престолу Обладателя подсолнечной: слышится мне что ты уже возносишь общенародный глас севера: сей глас: Всемогущий Боже благослови место сие и дай Екатерине толь великий век, коль велика слава ее! О вы первосвященники, и вы все сыны отечества! возведите со Архангелом на небо очи свои: и да будет сей торжественный день, и днем молитвы, о здравии и многолети нашей Государыни и Ее Наследника!». И предположение В. И. Баженова о выборе места закладки самим Архангелом Михаилом, и готовность зодчего к явлению ему «архистратига обладателя вселенной», кажется, переносят нас на четверть столетия вперед — к известиям о подобном явлении, состоявшемся в Санкт-Петербурге в ноябре 1796 г.⁵²

В продолжение рассматриваемой церемонии «главно присудствующей генерал порутчик» Михаил Михайлович Измайлов поместил «медали и денги» в «ваз приготовленной изрос'сийского мрамора», «и крышкою накрыв, поставил в гнездо». Затем глава («главнокомандующий») Москвы князь Михаил Никитич Волконский закладывает «мраморной кирпич» с вензелем императри-

⁵¹ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. 2-е изд. М., 1787. Ч. II. С. 267–275. О А. П. Сумарокове, как об авторе данной речи, см. комментарии Ю. Я. Герчука, который, однако, отмечает, что «весь характер заключительной, собственно архитектурной части свидетельствует об авторстве Баженова» (Василий Иванович Баженов... С. 104–107, 252–253 (№ 114)).

⁵² Петров Н. И. Архангел Михаил и император Павел I // Коломенские чтения 2019: сб. ст. СПб., 2020. С. 131–145. «В легенде о видении архангела Михаила часовому, охранявшему Летний дворец, как будто слышится отзвук баженовского вопроса: "...не сам ли ты наименовал сие место срединою начинаемого здания?". Известно, что чертежи кремлевской постройки Баженова были широко представлены в библиотеке цесаревича (то есть Павла. — Н. П.)» (Хайкина Л. В. Без эпилога... С. 442). Михайловский замок также проектировался В. И. Баженовым.

цы, используя для этого «кирку и лопатку с тем же вензелом». Следом за ним граф Петр Иванович Панин, пользуясь киркой и лопаткой с вензелем Павла, аналогичным образом полагает «мраморной кирпич» с вензелем наследника. Далее различными лицами (в том числе В. И. Баженовым) было положено еще «четыре кирпича из Российского мрамора». Затем М. М. Измайлов положил «доску с надписью (сообщавшей о данной закладке. — Н. П.) залив воском покрыл крышкою гнездо⁵³, и после того оно с архитектором (В. И. Баженовым. — Н. П.) помощью машин подвинули в свое место...». Закладка завершилась «церковной церемонией» (см. выше)⁵⁴.

Упомянутое здесь «гнездо» (а также — «мраморная крышка з гнезда»), очевидно, означает вместилище, устроенное в закладном камне и аналогичное упомянутому в описании закладки Исаакиевского собора («постамент... внутри ж оно высечено место»). Показательно, что в этом случае «гнездо» устанавливается на предназначенное ему место «помощию машин» так же, как и 8 августа 1768 г. Екатерина II опускает «постамент... чрез приуготовленную машину...». Думается, что такой закладной камень, использовавшийся в России рассматриваемой эпохи при основании различных дворцов, являл собой некое подобие закладному камню из «Чина бываемого на Основании Церкви...» Требника свт. Петра (Могилы) (хотя вряд ли мог быть непосредственной «цитатой» из него). По крайней мере, согласно «Чину основания дому» Требника свт. Петра (Могилы) в фундаментный ров профанного строения закладываются лишь три камня небольшого размера, коль скоро священник должен сотворить сначала каждым камнем крестное знамение: «И сотвор крестное знамение над ровом камнем едином, мечет его в ров...»⁵⁵.

Закладка Михайловского замка 26 февраля 1797 г. выглядит, согласно ее описанию⁵⁶, более скромным событием, чем закладки Исаакиевского собора в 1768 г. или кремлевского дворца в 1773 г. Однако основные эпизоды и артефакты ука-

⁵³ Еще одна надпись (сообщавшая о В. И. Баженове и иных лицах, имевших отношение к подготовке строительства дворца, и сделанная на еще одной «медной доске», предназначенной для размещения на только что упомянутой мраморной «крышке» «гнезда») завершалась упоминанием императрицы и наследника, которое может быть понято не как обычное для таких текстов указание на время царствования того или иного государя, а как свидетельство тщетно ожидавшегося участия монархини и ее сына в данной церемонии: «Закладка была 1-го июня 1773 года при Императрице Екатерине Алексеевне Второй и при Наследнике, Сыне Ее, Павле Петровиче». В пользу подобного предположения говорит и наличие «вензловых имен» той и другого на соответствующих артефактах этой закладки. Здесь следует также упомянуть изображение императрицы «в виде Минервы» на одном из «щитов», предназначенных для рассматриваемой церемонии: «Россия, преклонив одно колено, подносит Минерве из сокровытых до сего в недрах ее мраморной камень для начала сего здания...» (Василий Иванович Баженов... С. 102–103 (№ 112)).

⁵⁴ Янчук Н. А. Знаменитый зодчий... С. 195–200.

⁵⁵ Требник Митрополита Петра Могили... С. 193 (часть 2).

⁵⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1797. 10 марта (№ 20). С. 397–399.

занных ритуалов столь близки друг другу, что, читая описание закладки Михайловского замка, трудно отделаться от мысли, что для Павла I отмеченная близость не могла не быть актуальной (не стремился ли Павел сознательно к тому, чтобы совершавшиеся им в данном случае действия были в наибольшей степени подобны именно тем, которые совершались Екатериной II при основании Исаакиевского собора или же ее «заместителем» при основании кремлевского дворца?⁵⁷). «Преосвященный Архиерей (тверской архиепископ Ириней (Клементьевский). — *Н. П.*) начал служить молебен (водосвятный. — *Н. П.*). <...> По окончании молебна и кропления святой воды началась закладка знаменитого сего здания...». Насколько позволяет судить цитируемый текст, центральным артефактом здесь являлся «мраморный камень, нарочно для закладки приготовленный» и содержащий надпись, сообщавшую об этом событии, а участие в нем Павла I (и его супруги и детей) заключалось в помещении в соответствующее место яшмового камня («яшмовые камни на подобие кирпичей с вызолоченными вензелями Государя и Государыни») — с использованием для этого лопатки («серебряные вызолоченные лопатки с именами Их Величеств») и молотка («молоток серебряной с надписью») — и монет («разные новые монеты золотые и серебряные»). «По том следовали сему духовенство, придворные Кавалеры, обоего пола знатные особы и чужестранные Министры».

Судя по процитированному описанию, архиерей — в отличие от императора и членов его семьи — не принимал непосредственного, «технического» участия в закладке замка. Надо, однако, отметить: несмотря на то, что храм Михайловского замка не упоминался даже в надписи на «мраморном камне», его появление в пределах данного строения, конечно же, подразумевалось⁵⁸ и отсутствие в описании закладки указаний на соответствующие действия архиерея следует, возможно, объяснять заметной лаконичностью данного текста. Но даже если исходить из того, что мы сравниваем сейчас не столько сами по себе ритуалы закладок Исаакиевского собора и Михайловского замка, сколько их описания, отсутствие указаний на действия архиерея при закладке замка — за исключением сообщения о водосвятном молебне и последующем кроплении святой водой — обращает на себя внимание. Судя по газетной публика-

⁵⁷ Думается, ритуал закладки Исаакиевского собора должен был иметь для Павла гораздо большее значение — он участвовал в нем лично, а о противопоставлении Михайловского замка Исаакиевскому собору в качестве сакрального локуса уже шла речь в начале этой статьи. Впрочем, принимая во внимание проектирование и московского кремлевского дворца, и петербургского замка одним зодчим, можно допускать «цитирование» при закладке Михайловского замка церемонии, состоявшейся в Кремле 1 июня 1773 г. в отсутствие Павла.

⁵⁸ Храм Михайловского замка отчетливо выступает из основного объема здания, что должно было быть видно уже в конфигурации фундаментных рвов. Насколько я могу судить, говорить о подобной же выделенности храмового пространства (которая была бы заметна уже на стадии закладки) в баженовском проекте московского дворца не приходится.

ции, именно император совершает закладку замка⁵⁹ в присутствии архиерея, собственно закладные действия которого, по крайней мере, не упоминаются в данном тексте. Попутно стоит заметить, что церемония закладки Михайловского замка, на мой взгляд, воспринималась в ту пору как более значимый ритуал, чем последующее его освящение 8 ноября 1800 г., когда «по обыкновенному обряду... началась духовная процессия освящению церкви», а затем «архиереи... шли со святою водою и окропляли все комнаты...»⁶⁰.

Для сравнения здесь стоит упомянуть участие Павла I в закладке 30 мая 1798 г. нового Казанского собора в Казанском Богородицком монастыре: Казанский архиепископ (будущий Петербургский митрополит) Амвросий (Подобедов) «творил начало и читал молитву о заложении новосозидаемого храма», а затем, «по высочайшему Его величества соизволению, положил первый камень, потом Его императорское величество — второй и Их императорское высочество (очевидно, и Александр, и Константин Павловичи. — *Н. П.*) — по камню; после сего Его величество всемилостивейше благоволил положить камень оного монастыря игумение Софии, княжне Болховской; также и прочии». Далее была «сверх камней, коими заложен храм, вложена в изготовленные на то камни медная доска», содержащая надпись, сообщавшую о данном событии. А «сверх оной доски наложена каменная плита, в которую преосвященнейший архиепископ водрузил крест деревянный...»⁶¹. Первенство архиерея в закладывании *одного из* камней оказывается здесь следствием «соизволения» императора, которое опять-таки создает ситуацию некоего уравнивания статусов того и другого в этом священнодействии⁶².

⁵⁹ В надписи на закладном «мраморном камне» подчеркивалось непосредственное отношение Павла I к основанию замка: «Положено основание сему зданию Михайловского замка Его Императорским Величеством и Супругою Его...» — ср. аналогичные надписи, связанные с закладками Исаакиевского собора и Академии художеств (см. ниже) и сообщавшие об основании этих зданий «повелением» и «в присутствии» Екатерины II.

⁶⁰ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Июль-декабрь 1800 года. СПб., 1900. С. 451–452. В «Санкт-Петербургских ведомостях» в ноябре-декабре 1800 г. сообщение об освящении Михайловского замка не было опубликовано. (Исаакиевский собор вообще освящался 30 мая 1802 г. в отсутствие Александра I, который находился в это время в Пруссии (Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь-июнь 1802 года. СПб., 1902. С. 311–314)).

⁶¹ Сказание о явлении чудотворной иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани // Известия по Казанской епархии. 1867. № 17. С. 463–464 (прим. 1).

⁶² Процитированное описание закладки Казанского собора представляет собой датированную 1 июня 1798 г. приписку к одному из списков «Сказания о явлении чудотворной иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани». В другом источнике, также относящемся ко времени описываемых событий, подчеркивается, что при закладке данного храма «первой камень положен Государем» (Современный журнал о пребывании в Казани Его Императорского Величества, Павла I-го // Оснадацатый век. Исторический сборник. М., 1869. Кн. 4. С. 467). Ср.: *Алексеев И. Е.* Очерки по истории Казанского Богородицкого монастыря и Казанской иконы Божией Матери. Казань, 2018. Вып. 1. С. 56, 224–225.

Необходимо обратить внимание на церемонию закладки Академии художеств 7 июля 1765 г., в которой просматривается общая структурная близость ритуалу основания Михайловского замка: речь в данном случае также идет о начале строительства секулярного здания, обладающего особым имперским статусом, и относящегося к нему домового храма со значимым для основного строения посвящением. В «Описании торжества инаугурации или посвящения Императорской Академии трех знатнейших художеств... с заложением при сем случае Академической церкви (во имя прп. Иоанна Дамаскина. — *Н. П.*)»⁶³ обращают на себя внимание следующие характерные моменты данной «церемонии на основание церкви и дому»⁶⁴: «Первенствующий архиерей⁶⁵ кадил основание церкви а другой кропил рвы и материал освященною водою, после сего первенствующий начел читать молитву на основание церкви а по прочтении оной приняв приготовленной крест⁶⁶ поставил в том месте где быть престолу, а потом повелев каменщикам приготовленный камень измра-

⁶³ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1864. [Т. I.] С. 100–111.

⁶⁴ И в названии, и в содержании цитируемого здесь текста очевидна сопряженность «торжества инаугурации или посвящения» академии с закладкой церкви. Однако, например, в надписях на медалях и жетонах, изготовленных «на случай сего достославного торжества», говорилось только о «посвящении» академии (Собрание русских медалей. СПб., 1841. Вып. III. С. 43 (№ 151–152), табл. XXX). Показательно, что в другом, более раннем варианте сценария данной церемонии, озаглавленном «Церемония наблюдаемая при заложении нового для Академии Художеств строения» и датированном 1764 г., про закладку академического храма ничего не говорится: «Первенствующий Архиерей с прочими духовными, обошед все пространство, окропляет как оное, так и приготовленные материалы святою водою, а потом прибыв к закладываемому фундаменту читает над оным особливую, сочиненную для того молитву, после чего назначенные от Ее Императорского Величества и Его Императорского Высочества особы полагают первые камни... а по учинении того же и от присутствующих Сенаторов, скринка с медною доскою, деньгами и медалями полагаются в фундамент Главным Директором, а ему подаются от несших оные почетных членов Академических, за которыми следуют все художники по порядку, а наконец и ученики; и каждой по кирпичу для вмазывания приносят. <...> Потом отправляется тут же на месте благодарной молебн и по окончании оного... первенствующий Архиерей говорит краткую проповедь» (Сборник материалов... С. 764–766 (прим. 99)). Таким образом, первоначально эта церемония предполагала «техническую» отстраненность императрицы и наследника от закладки академии — ведь самые первые камни предписывалось полагать неким назначенным ими «особам» (личное присутствие Екатерины II в данном описании не упоминается отчетливо, однако, надо думать, все же подразумевается в заключительных словах: «В вечеру Главный Директор и Профессоры... приносят Ее Императорскому Величеству всеподданейшие благодарения».) Видимо, в этом сценарии 1764 г. нашли отражение общи представления той поры о ритуале основания значимого секулярного строения, в частности — об основных артефактах подобного ритуала (закладном камне, металлической «доске» с соответствующей надписью, монетах).

⁶⁵ Речь идет о Новгородском митрополите Димитрии (Сеченове) (Церемониальный камер-фурьерский журнал 1765 года. СПб., 1856. С. 123).

⁶⁶ Видимо, именно этот крест упоминается в данном описании выше как «животворящий крест с мощами».

мору нести к горнему месту и поддерживая его сам, положил в фундамент... прочие ж духовные следуя оному на четырех углах церкви положили основание из приготовленных камней». Президент Академии Иван Иванович Бецкой, держа в руках позолоченную медную «скрынку» (в которую были положены «денги и медали золотые и серебрянные и медные деланные в достославное царствование Екатерины II», а «сверх оных» — позолоченная медная «доска» с надписью, сообщавшей о закладке академии и храма), «следовал с оною к положенному в фундамент камню предшествуем четырьмя профессорами и подшед к камню поставил с оными в вытесанное внутри камня нарочно для оной место... и накрыл свинцовою доскою. профессеры ж приняв нарочно приготовленные лопатки и известь от стоящих замазали оную...». Затем Екатерина II «камень изволила положить сверх вмазанной скринки и прияв лопатку и известь изволила оной вмазать...»⁶⁷. Следом за ней Павел «камень изволил оной положи вмазать, после сего архитектурной помощник закрыл сие в камне место мраморною крышкою... по окончании сего действия чтена краткая молитва на основание дому а по прочтении оной... пет Псалом тебе Бога хвалим, вовемя же пения сего Псалма приглашенные особы полагая кирпичи вмазывали нарочно приготовленными лопатками...». После этого иеромонахом Платоном (Левшиным) была произнесена проповедь. Таким образом, при данной закладке императрица и наследник лишь дополняют своими камнями (вслед за «скрынкой» президента академии) основной закладной камень первенствующего архиерея — «вмазывают» их в него.

Сравнение описаний ритуалов закладок между собой осложнено лаконичностью характеристик тех или иных действий или артефактов. Так, совершенно очевидно, что освящение архиереем закладного камня храма является священнодействием высшего порядка в сравнении с последующим «вмазыванием» монархом кирпича *в этот* камень. И, например, остается только предполагать наличие такого закладного камня при основании Троицкого собора Александро-Невского монастыря в 1778 г. в ходе «обыкновенной церковной при заложении церемонии» (так чин основания храма охарактеризован в описании закладки Академии художеств) — после ее завершения, надо думать, именно на него императрица «положила кирпич». Но, коль скоро «вмазывание» камней императрицей и наследником при закладке Академии художеств в закладной камень храма предваряет чтение молитвы «на основание дому» (и пение «Тебе Бога хвалим...») и совершается до архиерейского «отпуска», в этом случае данные действия оказываются включенными в священнодействие как таковое. Предельно

⁶⁷ Упоминаемые здесь камень и лопатка развернуто характеризуются в данном описании выше: «...камень величиною в пропорции кирпича из порфида российского зделанной свырезанием на оном влаврех вензлового Ее Императорского Величества имени...»; «...золотая лопатка соизображением на оной вензлового ж Ее Императорского Величества имени...».

упрощая сценарии *основных* рассмотренных выше ритуалов *петербургских* закладок, можно предложить следующую их последовательную характеристику:

1764 г., Академия художеств (основание церкви не отмечено, предварительный вариант): церемонию возглавляет архиерей, присутствие императрицы при закладке, скорее всего, предполагается, но она не участвует в ней непосредственно;

1765 г., Академия художеств (с основанием церкви, окончательный вариант): церемонию возглавляет архиерей, императрица непосредственно участвует в закладке, *дополняя* своими действиями закладные действия архиерея;

1768 г., Исаакиевский собор: церемонию возглавляет архиерей, императрица непосредственно участвует в закладке, *уподобляя* свои действия закладным действиям архиерея;

1797 г., Михайловский замок (основание церкви не отмечено, но должно было подразумеваться): судя по описанию закладки, именно император совершает ее в присутствии архиерея.

Итак, если Екатерина II при закладке Исаакиевского собора лишь, так сказать, «дублирует» действия архиерея, то Павел I при закладке Михайловского замка так или иначе оттесняет присутствующего архиерея на второй план (подобная ситуация вполне соответствует хорошо известным иным претензиям Павла I на статус епископа⁶⁸). Сходство же церемоний закладок Исаакиевского собора и Михайловского замка было порождено той общей ритуальной фабулой, которая оказывалась востребованной при начале строительства как храмов, так и секулярных зданий, характеризовавшихся тем или иным сакральным значением⁶⁹. Воспроизведение подобного ритуала, сопоставимого с собственно церковным чинопоследованием основания храма, при закладке Михайловского замка сопрягалось с сакральными сторонами характера данного строения.

На сакральный статус уже возведенного Михайловского замка указывала надпись, размещенная на его южном фасаде — отредактированная цитата из Пс 92. 5: «Дому Твоему подобает святыня Господня в долготу дней»⁷⁰. Примеры размещения на фасадах дворцов и храмов характеризующих их надписей известны и в екатерининское время и само по себе появление некоей надписи на фасаде Михайловского замка не должно было восприниматься как нечто необычное. Однако в данном случае притяжательное прилагательное «Господня» заменило

⁶⁸ Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 176–184.

⁶⁹ Противопоставление в настоящей статье церковных и секулярных архитектурных сооружений подчеркивает различие их функциональных позиций в русском имперском социуме рассматриваемой эпохи. Однако секулярность здания не исключает возможности наличия у него отчетливых сакральных коннотаций (а секулярный *ритуал* может быть включен в церемонию закладки храма). Иными словами, секулярность не следует отождествлять с профанностью.

⁷⁰ Хайкина Л. В. Без эпилога... С. 319–323.

обращение «Господи» и, таким образом, утверждение Псалмопевца оказалось адресовано новопостроенной императорской резиденции. Попутно следует заметить, что цитирование Священного Писания на фасадах монферрановского Исаакиевского собора (Мф 21. 13 = Мк 11. 17, Пс 30. 2, Пс 20. 2, 1 Тим 6. 15)⁷¹ кажется мне некой реакцией сына Павла I⁷² на размещение его отцом измененного финального полустишия Пс 92 над въездом в Михайловский замок.

Гипотетический образец имплицитной полемики с рассматриваемой павловской репрезентацией сакрального текста можно обнаружить уже в слове, сказанном митрополитом Платоном (Левшиным) 7 октября 1806 г. «при освящении храма Мартыновского, что за Язуою»⁷³. Фрагмент последнего стиха Пс 92 был использован здесь в качестве эпитафии: «Дому Твоему подобает святыня, Господи!» (Псал., 92, ст. 5)». В тексте этого слова митрополит возвращается к эпитафии: «Но не забудем же и того, что в начале слова сказали мы, — яко дому Господню подобает “святыня”. Сие-то едино храмы Божии бесконечно возвышает паче всех мирских домов огромных, величественных и великолепных. Ибо какие дела в домах мирских производятся? — ядят, пьют, опочивают, о различных своих пользах и нуждах рассуждают и разговаривают и сами между собою, и с знакомцами, приятелями своими. Сие все еще непредосудительно... Но что еще в тех же домах творится? — разные несогласия, ссоры, драки, сквернословия, пьянства, скачки, пляски, любоддеяния, прелюбоддеяния и прочие бесчиния... В таковых же нечистых жилищах производятся злобные против других замыслы, клеветы, зависти, хитрые и незаконные для корыстолюбия вымыслы; и все злое, что ни творится в мире сем, все то происходит из домов и в них зачинается. Но таков ли есть дом Божий? Ему подобает святыня. Что ты в нем узришь, кроме святости?». Читая эти строки, трудно избавиться от мысли, что автор противопоставляет храму Божиию именно Михайловский замок, ставший местом царевубийства, но никаких явных признаков подобного противопоставления данное сочинение митрополита Платона, конечно же, не содержит.

Павел I, воспринимая свой замок в качестве, так сказать, архитектурной антитезы храму его матери, пытается прорваться из эклектичного пространства изящной религиозно-политической игры Екатерины II в область серьезного неигрового тяжеловесного средневековья, но конечно же, все равно, по причине необратимости исторического процесса, остается в пределах игрового дискурса. Возможно, именно в этом обстоятельстве и следует искать по крайней

⁷¹ История и достопримечательности Исаакиевского собора. СПб., 1858. С. 72–76.

⁷² Выбор цитат из Библии для их воспроизведения на стенах монферрановского Исаакиевского храма, по всей видимости, должен был утверждаться Николаем I.

⁷³ Платон (Левшин), митр. Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. I, кн. 5. (Бесплатное приложение к журналу «Русский паломник» за 1913 г.). С. 672–676. Ср.: Хайкина Л. В. Без эпилога... С. 434.

мере один из истоков того ощущения трагичности, которое столь явственно сопряжено с павловским предромантизмом, точнее — с нарочитой противопоставленностью последнего екатерининскому классицизму.

Источники

1. Василий Иванович Баженов. Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы. М., 2001.
2. *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979.
3. Деяния божественного Августа // *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 189–199.
4. Еней. Героическая поэма Публия Virгилия Марона. Переведена с латинского Гном Петровым. СПб., 1784.
5. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1778 года. СПб., 1882.
6. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886.
7. Камер-фурьерский церемониальный журнал. Июль–декабрь 1800 года. СПб., 1900.
8. Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь–июнь 1802 года. СПб., 1902.
9. Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1772 года. СПб., 1858.
10. *Кассий Дион Коккейан*. Римская история. СПб., 2014. Кн. LI–LXIII.
11. *Овидий*. Элегии и малые поэмы. М., 1973.
12. Ода на торжественное открытие Монумена Петра Великого Августа в 7 день 1782 года // Утра. Еженедельное издание, или Собрание разного рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе. 1782. Август (лист 4). С. 194.
13. *Петров В. П.* Сочинения. СПб., 1811. Ч. III.
14. *Платон (Левшин), митр.* Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. I, кн. 2, 5. (Бесплатное приложение к журналу «Русский паломник» за 1913 г.).
15. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XVIII (1767–1769).
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 466. Оп. 1. Д. 98; Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 255.
17. *Рубан В. Г.* Надпись На положение Екатериною Великою пред надгробие Петра I. флага, взятого у Турок на Архипелаге. Августа 29 дня, 1772 года. Б. м., 1772.
18. *Рубан В. Г.* Стихи на великолепное здание соборной Исакиевской церкви с приделом храма святых Кира и Иоанна, сооружаемое в Санктпетербурге. Б. м., 1770.
19. Санкт-Петербургские ведомости. 1797. 10 марта (№ 20).
20. Санкт-Петербургские ведомости. 1772. 14 сентября (№ 74).
21. Санкт-Петербургские ведомости. 1781. 2 ноября (№ 88).
22. Санкт-Петербургские ведомости. 1768. 26 августа (№ 69), прибавление.
23. Санкт-Петербургские ведомости. 1772. 4 сентября (№ 71).

24. Санкт-Петербургские ведомости. 1778. 4 сентября (№ 71).
25. Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1874. Т. XIII.
26. Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1878. Т. XXIII.
27. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1864. [Т. I.]
28. Сказание о явлении чудотворной иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани // Известия по Казанской епархии. 1867. № 17. С. 449–465.
29. Современный журнал о пребывании в Казани Его Императорского Величества, Павла I-го // Оснадцатый век. Исторический сборник. М., 1869. Кн. 4. С. 464–469.
30. *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. 2-е изд. М., 1787. Ч. I–II.
31. Требник митрополита Петра Могилы. Киев, 1646; Киев, 1996.
32. Церемониальный камер-фурьерский журнал 1765 года. СПб., 1856.
33. Церемониальный камер-фурьерский журнал 1770 года. СПб., 1856.

Литература

1. *Алексеев И. Е.* Очерки по истории Казанского Богородицкого монастыря и Казанской иконы Божией Матери. Казань, 2018. Вып. 1.
2. *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010.
3. [Гавриил (Розанов), архиеп.] Историческая записка о заложении в городе Екатеринославе соборного кафедрального Преображенского, ныне там существующего храма; и о начале самого города Екатеринослава. Одесса, 1846.
4. *Гавриил (Розанов), архиеп.* Продолжение очерка о Новороссийском крае. Период с 1787 по 1837 год // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. V. С. 420–490.
5. *Данченко В. Г.* Шведские знамена, штандарты и флаги. Каталог коллекции. СПб., 2021.
6. *Жиркова А. А.* Усадьба Кирияново в жизни княгини Е. Р. Дашковой. СПб., 2018.
7. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. 7.
8. История и достопримечательности Исаакиевского собора. СПб., 1858.
9. *Корольков К.* Столетний юбилей города Екатеринослава (9 мая 1887 года) // Екатеринославские епархиальные ведомости. 1887 г. № 8. С. 207–214.
10. *Косолапов Б. А.* О проектах монумента Петру I в Петропавловском соборе и работе над мозаичной картиной «Полтавская баталия» // Советское искусствознание. 1983 (1984). Вып. 1 (18). С. 266–282.
11. *Петров Н. И.* Архангел Михаил и император Павел I // Коломенские чтения 2019: сборник статей. СПб., 2020. С. 131–145.
12. *Петров Н. И.* Монеты царствования Павла I и евангельский рассказ о динарии кесаря // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 297–319. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_1_297

13. *Петров Н. И.* О сакральном характере наименования Михайловского замка в Санкт-Петербурге // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 39. С. 181–212. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-39-181-212
14. *Прилуцкий В.* Частное богослужение в Русской Церкви в XVI и первой половине XVII в. Киев, 1912.
15. *Проскурина В. Ю.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
16. *Свиньин П. П.* Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб., 1818.
17. *Снегирев И. М.* Жизнь Московского Митрополита Платона. 4-е изд. М., 1890–1891.
18. Собрание русских медалей. СПб., 1841. Вып. III.
19. *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
20. *Хайкина Л. В.* Без эпилога. Исследования по архитектуре Петербурга. СПб., 2008.
21. *Янчук Н. А.* Знаменитый зодчий Василий Иванович Баженов и его отношение к ма- сонству // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия, ч. LXVI, декабрь. С. 167–238.
22. *Fishwick D.* Iconography and Ideology: The Statue Group in the Temple of Mars Ultor // American Journal of Ancient History. 2003. New Series. Vol. 2, No. 1. P. 63–94.
23. *Fishwick D.* On the Temple of Divus Augustus // Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada. 1992. Vol. XLVI, No. 3, Autumn. P. 232–255.
24. *Gradel I.* Emperor Worship and Roman Religion. Oxford, 2002.
25. *Phillips D. A.* The Temple of Divus Iulus and the Restoration of Legislative Assemblies under Augustus // Phoenix. Journal of the Classical Association of Canada. 2011. Vol. LXV, No. 3–4, Fall–Winter. P. 371–388.
26. *Rich J. W.* Augustus's Parthian honours, the temple of Mars Ultor and the arch in the Fo- rum Romanum // Papers of the British School at Rome. 1998. Vol. LXVI. P. 71–128.
27. *Ross Taylor L.* The Divinity of the Roman Emperor. Middletown, 1931.
28. *White P.* Julius Caesar in Augustan Rome // Phoenix. The Journal of the Classical Asso- ciation of Canada. 1988. Vol. XLII: 4, Winter. P. 334–356.

Nikolai I. Petrov

THE SACRAL ARCHITECTURAL DOMINANTS AT SAINT PETERSBURG OF THE LATE 18TH CENTURY: THE CATHEDRAL OF CATHERINE II AND THE CASTLE OF PAUL I

Abstract. The connection of St. Michael's Castle as an imperial residence with the medieval Eu- ropean image of a fortress-church and with the legend about the Archangel Michael's appear- ance indicates that Paul I opposed this new architectural expression of Russian absolutism to

the construction of architectural sacral dominant in the imperial capital (St. Isaac's Cathedral) by Catherine II according to the patterns of ancient Rome. The interpretation of this cathedral as the temple of Peter the Great is traced in the poetic texts of that time very clearly. When starting the construction of St. Isaac's Cathedral, Catherine II followed the ancient Roman model of self-sacralization of a ruler: the latter used to build a temple, dedicated to his predecessor (who had been sacralized already). Comparison of the rituals of foundation of St. Isaac's Cathedral in 1768 and St. Michael's Castle in 1797 is of specific interest in the context of information about other similar ceremonies of that time, connected with both church and secular buildings. At the laying of St. Isaac's Cathedral, Catherine II just "duplicated" the actions of bishop, while Paul I pushed bishop into the background when founding the St. Michael's Castle.

One can assume that Paul I desired to replace the concept of the ensemble, combining St. Isaac's Cathedral and the equestrian statue of Peter I, by another centre, which united St. Michael's Castle with, so to say, Paul's personal "Bronze Horseman" (the sculpture by Carlo Bartolomeo Rastrelli). When St. Michael's Castle was finished its sacral status was indicated by the inscription, placed on its southern facade (the edited quote from Ps 92. 5 — «God's holiness befits Your house forevermore»). Paul I perceived his castle as an architectural antithesis to the cathedral of his mother. He tried to escape from the eclectic space of elegant religious and political game of Catherine II to the area of serious, non-gaming and somewhat "ponderous" Middle Ages. But due to the irreversibility of historical process he had to remain within a discourse of game. Perhaps this circumstance can be considered as at least one of the sources of that sense of tragedy, which is associated with Paul's Pre-Romanticism so clearly.

Keywords: *Sacralization of a monarch, Russian Emperor Peter I, Russian Empress Catherine II, Russian Emperor Paul I, St. Petersburg, St. Isaac's Cathedral, St. Michael's Castle*

For citation: Petrov N. I. Sakral'nye arkhitekturnye dominanty Sankt-Peterburga kontsa XVIII v.: khram Ekateriny II i zamok Pavla I [The Sacral Architectural Dominants at Saint Petersburg of the Late 18th Century: the Cathedral of Catherine II and the Castle of Paul I]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2023, no. 41, pp. 119–148. DOI: 10.24412/2224-5391-2023-41-119-148

About the author: Petrov Nikolai Igorevich — PhD (History), Assistant Professor, Chief Researcher of the Scientific Department at the Saint Petersburg Theological Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8523-572X> (Russia, Saint Petersburg). *E-mail:* npetrovspb@yandex.ru

Submitted on 29 November, 2022

Accepted on 20 January, 2023

References

1. Alekseev I. E. *Ocherki po istorii Kazanskogo Bogoroditskogo monastyrja i Kazanskoi ikony Bozhiei Materi* [Essays on the History of the Kazan Theotokos Monastery and the Icon of Our Lady of Kazan]. Kazan, 2018, issue 1.
2. Antonov V. V., Kobak A. V. *Sviatyni Sankt-Peterburga. Entsiklopediia khristianskikh khramov* [The Shrines of St. Petersburg. Encyclopedia of Christian Churches]. Saint Petersburg, 2010.

3. Danchenko V. G. *Shvedskie znamena, shtandarty i flagi. Katalog kollektsii* [Swedish Banners, Standards, and Flags. Catalog of Collection]. Saint Petersburg, 2021.
4. Deianiia bozhestvennogo Avgusta [The Deeds of the Divine Augustus]. Shifman I. Sh. *Tzezar' Avgust* [Caesar Augustus]. Leningrad, 1990, pp. 189–199.
5. Aeneas. *Geroicheskaia poema Publiia Virgiliia Marona. Perevedena s latinskogo G.nom Petrovym* [The Heroic Poem of Publius Vergilius Maro, Translated from Latin by Mr. Petrov]. Saint Petersburg, 1784.
6. Fishwick D. Iconography and Ideology: The Statue Group in the Temple of Mars Ultor. *American Journal of Ancient History*, 2003, New Series, vol. 2, no. 1, pp. 63–94.
7. Fishwick D. On the Temple of Divus Augustus. *Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada*, 1992, vol. XLVI, no. 3, Autumn, pp. 232–255.
8. [Gavriil (Rozanov), arhkiep.]. *Istoricheskaia zapiska o zalozenii v gorode Ekaterinoslave sobornogo kafedral'nogo Preobrazhenskogo, nyne tam sushchestvuiushchego khrama; i o nachale samogo goroda Ekaterinoslava* [A Historical Note About Foundation in the City of Yekaterinoslav of the Transfiguration Cathedral, Now Existing There; and About the Beginning of the City Yekaterinoslav Itself]. Odessa, 1846.
9. Gavriil (Rozanov), arhkiep. *Prodolzhenie ocherka o Novorossiiskom krae. Period s 1787 po 1837 god* [Continuation of the Essay About the Novorossiysk Region. The Period from 1787 to 1837]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei — Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*, 1863, vol. V, pp. 420–490.
10. Gradel I. *Emperor Worship and Roman Religion*. Oxford, 2002.
11. *Istoriko-statisticheskie svedeniia o S.-Peterburgskoi eparkhii* [Historical and Statistical Information about the St. Petersburg Eparchy]. Saint Petersburg, 1883, vol. 7.
12. *Istoriia i dostoprimechatel'nosti Isaakievskogo sobora* [The History and Sights of St. Isaac's Cathedral]. Saint Petersburg, 1858.
13. *Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1778 goda* [The Kammerfurier Ceremonial Journal of 1778]. Saint Petersburg, 1882.
14. *Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1787 goda* [The Kammerfurier Ceremonial Journal of 1787]. Saint Petersburg, 1886.
15. *Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal. Iiul'-dekabr' 1800 goda* [The Kammerfurier Ceremonial Journal. July–December, 1800]. Saint Petersburg, 1900.
16. *Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal. Ianvar'-iiun' 1802 goda* [The Kammerfurier Ceremonial Journal. January–June, 1802]. Saint Petersburg, 1902.
17. *Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi, banketnyi i pokhodnyi zhurnal 1772 goda* [The Kammerfurier Ceremonial, Banquet and Marching Journal of 1772]. Saint Petersburg, 1858.
18. Cassius Dio Cocceianus. *Rimskaia istoriia* [Roman History]. Saint Petersburg, 2014. Books LI–LXIII.
19. Khaikina L. V. *Bez epiloga. Issledovaniia po arkhitekture Peterburga* [Without an Epilogue. Studies on the Architecture of St. Petersburg]. Saint Petersburg, 2008.

20. Korol'kov K. Stoletnii iubilei goroda Ekaterinoslava (9 maia 1887 goda) [Centenary of Yekaterinoslav Town (May 9, 1887)]. *Ekaterinoslavskie eparkhial'nye vedomosti — Gazette of Ekaterinoslav Eparchy*, April 15, 1887, no. 8, pp. 207–214.
21. Kosolapov B. A. O proektakh monumenta Petru I v Petropavlovskom sobore i rabote nad mozaichnoi kartinoi «Poltavskaia bataliia» [On the Projects of the Monument to Peter I in the Peter and Paul Cathedral and the Work over the Mosaic Picture «The Poltava Battle»]. *Sovetskoe iskusstvoznanie — Soviet Art History*, 1983 (1984), issue 1 (18), pp. 266–282.
22. Oda na torzhestvennoe otkrytie Monumenta Petra Velikogo Avgusta v 7 den' 1782 goda [Ode for the Grand Opening of the Monument of Peter the Great on August 7, 1782]. *Utra. Ezhenedel'noe izdanie, ili Sobranie raznogo roda noveishikh sochinenii i nekotorykh perevodov v stikhakh i proze — The Mornings. A Weekly Publication, or a Collection of Various Kinds of the Latest Works and Some Translations in Verse and Prose*, 1782, August (sheet 4), p. 194.
23. Ovidius. *Elegii i malye poemy* [Elegies and Small Poems]. Moscow, 1973.
24. Petrov N. I. Arkhangel Mikhail i imperator Pavel I [Archangel Michael and Emperor Paul I]. *Kolomenskie chteniia 2019* [The Kolomna Readings, 2019]. Saint Petersburg, 2020, pp. 131–145.
25. Petrov N. I. Monety tsarstvovaniia Pavla I i evangel'skii rasskaz o dinarii kesaria [Coins of the Reign of Paul I and the Gospel Tale about the Caesar's Denarius]. *Khristianskoye Chteniye — Christian Reading*, 2022, no. 1, pp. 297–319. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_1_297
26. Petrov N. I. O sakral'nom kharaktere naimenovaniia Mikhailovskogo zamka v Sankt-Peterburge [On the Sacral Nature of the Name of St. Michael's Castle in Saint Petersburg]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2022, no. 39, pp. 181–212. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-39-181-212
27. Petrov V. P. *Sochineniia* [Complete Works]. Saint Petersburg, 1811, pt. III.
28. Phillips D. A. The Temple of Divus Iulus and the Restoration of Legislative Assemblies under Augustus. *Phoenix. Journal of the Classical Association of Canada*, 2011, vol. LXV, no. 3–4, Fall–Winter, pp. 371–388.
29. Platon (Levshin), mitr. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works]. Saint Petersburg, 1913, vol. I, books 2, 5. (Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu «Russkii palomnik» za 1913 g. [Free Supplement to the Magazine «Russian Pilgrim» for 1913]).
30. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Saint Petersburg, 1830, vol. XVIII (1767–1769).
31. Prilutsky V. *Chastnoe bogoslužhenie v Russkoi Tserkvi v XVI i pervoi polovine XVII v.* [Private Worship in the Russian Church in the 16th and First Half of the 17th Centuries]. Kyiv, 1912.
32. Proskurina V. Yu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [Myths of the Empire. Literature and Power in the Epoch of Catherine II]. Moscow, 2006.
33. Rich J. W. Augustus's Parthian honours, the temple of Mars Ultor and the arch in the Forum Romanum. *Papers of the British School at Rome*, 1998, vol. LXVI, pp. 71–128.
34. Ross Taylor L. *The Divinity of the Roman Emperor*. Middletown, 1931.
35. Ruban V. G. *Nadpis' Na polozhenie Ekaterinoiu Velikoiu pred nadgrobie Petra I flaga, vziatogo u Turok na Arkhipelage. Avgusta 29 dnia, 1772 goda* [The Inscription on the Placement

by Catherine the Great in Front of the Tombstone of Peter I the Flag, Which Was Taken from the Turks at the Archipelago on August 29, 1772]. S. l., 1772.

36. Ruban V. G. *Stikhi na velikolepnoe zdanie sobornoj Isakievskoi tserkvi s prideldom khrama sviatykh Kira i Ioanna, sooruzhaemoe v Sanktpeterburge* [Verses for the Magnificent Building of St. Isaac's Cathedral With the Parecclesion of Saints Cyrus and John, Which Is Constructed at St. Petersburg]. S. l., 1770.

37. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* — *Saint Petersburg News*, August 26, 1768, no. 69, Addition.

38. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* — *Saint Petersburg News*, March 10, 1797, no. 20.

39. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* — *Saint Petersburg News*, November 2, 1781, no. 88.

40. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* — *Saint Petersburg News*, September 4, 1772, no. 71.

41. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* — *Saint Petersburg News*, September 14, 1772, no. 74.

42. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* — *Saint Petersburg News*, September 4, 1778, no. 71.

43. *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, 1874, vol. XIII.

44. *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, 1878, vol. XXIII.

45. *Sbornik materialov dlia istorii Imperatorskoi S.-Peterburgskoi Akademii khudozhestv za sto let ee sushchestvovaniia* [Collection of Materials for the History of the Imperial St. Petersburg Academy of Arts for a Hundred Years of Its Existence]. Saint Petersburg, 1864, [vol. I].

46. *Skazanie o iavlenii chudotvornoi ikony Presviatoi Bogoroditsy vo grade Kazani* [The Legend of the Appearance of the Miraculous Icon of the Most Holy Theotokos in the City of Kazan]. *Izvestiia po Kazanskoi eparkhii* — *News of the Kazan Eparchy*, 1867, no. 17, pp. 449–465.

47. Snegirev I. M. *Zhizn' Moskovskogo Mitropolita Platona* [Life of the Moscow Metropolitan Plato]. 4th ed. Moscow, 1890–1891, pts. 1–2.

48. *Sobranie russkikh medalei* [Collection of Russian Medals]. Saint Petersburg, 1841, issue III.

49. *Sovremennyi zhurnal o prebyvanii v Kazani Ego Imperatorskogo Velichestva, Pavla I-go* [Contemporary Journal about the Stay at Kazan of His Imperial Majesty, Paul I]. *Osmnadsatyi vek. Istoricheskii sbornik* [The Eighteenth Century. Historical Collection]. Moscow, 1869, book 4, pp. 464–469.

50. Sumarokov A. P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze* [Complete Collection of All Works in Verse and Prose]. 2nd ed. Moscow, 1787, pts. I–II.

51. Svin'in P. P. *Dostopamiatnosti Sanktpeterburga i ego okrestnostei* [Sights of St. Petersburg and Its Environs]. Saint Petersburg, 1818.

52. *Trebnik mitropolita Petra Mogily* [The Euchologion of Metropolitan Petro Mohyla]. Kyiv, 1646; Kyiv, 1996.

53. *Tseremonial'nyi kamer-fur'erskii zhurnal 1765 goda* [The Ceremonial Kammerfurier Journal of 1765]. Saint Petersburg, 1856.

54. *Tseremonial'nyi kamer-fur'erskii zhurnal 1770 goda* [The Ceremonial Kammerfurier Journal of 1770]. Saint Petersburg, 1856.
55. Uspenskij B. A. *Tsar' i patriarkh. Kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)* [Tsar and Patriarch. Charisma of Power in Russia (The Byzantine Model and Its Russian Reinterpretation)]. Moscow, 1998.
56. *Vasilii Ivanovich Bazhenov. Pis'ma. Poiasneniia k proektam. Svidetel'stva sovremennikov. Biograficheskie dokumenty* [Vasily Ivanovich Bazhenov. Letters. Explanations to the Projects. Testimonies of Contemporaries. Biographical Documents]. Moscow, 2001.
57. Virgil. *Bukoliki. Georgiki. Eneida* [Eclogues. Georgics. Aeneid]. Moscow, 1979.
58. White P. Julius Caesar in Augustan Rome. *Phoenix. The Journal of the Classical Association of Canada*, 1988, vol. XLII: 4, Winter, pp. 334–356.
59. Yanchuk N. A. Znamenitii zodchii Vasilii Ivanovich Bazhenov i ego otnoshenie k masonstvu [The Famous Architect Vasily Ivanovich Bazhenov and His Attitude to Masonry]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia — Journal of the Ministry of National Education*, 1916, New Series, pt LXVI, December, pp. 167–238.
60. Zhirkova A. A. *Usad'ba Kir'ianovo v zhizni kniagini E. R. Dashkovo*i [The Manor Kiryanovo in the Life of Princess E. R. Dashkova]. Saint Petersburg, 2018.